

2. О методологии лингвистического анализа

Что может предложить постулируемая объяснительная лингвистика в плане метода лингвистического исследования? Сам атрибут «объяснительная» уже наводит на размышления. Вряд ли объяснение будет всегда нацелено на вскрытие причинно-следственных связей, подтверждающих наличие языковой закономерности, если это объяснение будет строиться на новаторских, инновационных методах, не имеющих ничего общего с природой исследуемого языкового объекта.

Объяснение в принципе, согласно известному американскому философу К.Р. Попперу, это всего лишь «сведение неизвестного к известному» [Поппер, 2002, с. 326]. Иначе говоря, в реляции А=Б, как процедуре уравнивания, это подведение Б под А, ср. Б и есть А, следовательно А не представляет ничего нового. Кроме того, согласно тому же ученому, «любое основание ... должно отличаться от объясняемого и не зависеть от него» [там же, с. 328]. А это уже проблема метода анализа в теории вообще. Практика показала, что часто процедуры объяснения отрываются от языка и уходят в область обозначаемого с помощью языка. Лингвистика подменяется экстралингвистикой. Есть и другая опасность – «лингвистический» метод неприемлем для объективного анализа языкового объекта.

Когда экстралингвистический факт выражается с помощью языка, объяснению подвергается его языковое представление – один языковой знак используется для объяснения другого языкового знака, но не в аспекте самого семиотического отношения, что было бы гораздо полезнее, а в аспекте экстралингвистического содержания обозначаемого неязыкового объекта. В сферу объяснительной лингвистики можно было бы включить следующие типы объяснений:

- Объяснение высказывания констатирующего какой-то внелингвистический факт.
- Объяснение высказываний, объясняющих констатирующее высказывание.
- Объяснение отношения между объясняющим и объясняемым высказываниями.

Нет возражений, что объектом лингвистических исследований должны быть знаковые отношения, несмотря на то, что в лингвистических дискуссиях неоднократно звучали и критические голоса, утверждающие, что проблема знаковости не лингвистическая проблема, а навязана языкознанию семиотикой. К сожалению, знаковые отношения в лингвистике, например, в семасиологии, изучаются далеко **не лингвистически**. Изучение отношения между языковым знаком и обозначаемым с его помощью мыслительным понятием часто превращается в объяснение не самого знакового отношения, т.е. характера взаимодействия вербальной семантики и мыслительного понятия, а в описание обозначаемого мыслительного понятия («экстралингвистического значения»?), в приписывание содержания мыслительного понятия языковому знаку, и как следствие – в подмену лингвистической категории языкового значения мыслительной категорией понятия. Возможно, это следствие того, что единицы языка по семиотической привычке часто рассматривались как пустые символы – важно было определить, что за ними кроется или что им приписывается. Не случайно же появились сторонники унилатеральной концепции языкового знака, которые сводили его к звуковой оболочке, а языковое знаковое значение отождествляли с обозначаемым понятием. Семасиологический анализ, переключающийся на обозначаемую действительность, автоматически покидает пределы лингвистики. Лингвист превращается в **онтолога**. Не зря структуралист-теоретик Л. Ельмслев, критикуя традиционные направления языкознания, говорил, что в принципе все они сводимы к нелингвистическим дисциплинам. Звуковая сторона языка может с таким же успехом изучаться в рамках физиологии. Значимую, семантическую сторону языка можно было бы, по его мнению, изучать в психологии, логике, онтологии [Ельмслев, 1999, с. 132].

Однако не хочется соглашаться с перспективой растворения лингвистики в смежных науках. Целесообразнее было бы определить ее место среди других наук. Рассмотрим проблему в иной перспективе.

Если принять во внимание, что единица языка является билатеральным, формально-семантическим знаком, то даже простое описание значимой стороны языковой единицы предполагает анализ объективированной в знаке ретроспективной мысли.

Языковая единица вне речи фиксирует осколки стереотипных понятий. Собирая целое высказывание из отдельных слов, мы оживляем последние, так как соотносим их с мыслительным понятием по принципу тождества (А=А), или по принципу далекого или близкого сходства (А=Б), а также по принципу контраста (А = -А). Но оживленное в речи слово уже не является собственно языковым объектом. Это уже речемыслительный знак, т.е. словомысль. Что в этом знаке языковое (А) и что мыслительное (В), а что интегративное (А/В), см. рисунок 2, следует разбираться не узкому лингвисту, а лингвисту-философу, лингвисту-этнологу.

Где: З – значение языковой единицы как собственно лингвистический объект;
А – незадействованная часть значения языковой единицы;
А/В – синтез, интеграция значения языковой единицы и понятия, или речевая единица как лингво-когитологический объект. Сектор пересечения А/В представляет собой семантико-понятийное единство, которое позволяет познающему субъекту проникнуть внутрь обозначаемого понятия настолько глубоко, насколько позволяет это сделать семантический потенциал значения, его аппроксимативные признаки;
В – не охваченная значением речевой единицы часть мыслительного понятия;
П – мыслительное понятие.

Смысл исследования таких объектов – в комплексном анализе. Необходимо определить роль псевдопустоты в секторе (А), а именно, его влияние на восприятие (А/В), а также установить влияние псевдопустого сектора (В) на сектор (А/В) (интегратему) и определить степень его интегрированности в секторе (А/В).

Ср.: <i>сломанный стол</i> ,
где: А/В – <i>стол</i> = «ножка/ножки стола» (слово именует целый предмет, но обозначает лишь часть предмета);
В – <i>стол</i> = «полировка и окрас, конфигурация составных частей как предмета мебели и др.» (части и признаки называемого предмета, не вошедшие в сферу обозначения и оставшиеся незадействованными);
А – <i>стол</i> = «столешница и другие ножки – то, что осталось не сломанным» (семантические признаки, не являющиеся приоритетными для понимания и отодвинутые на второй план).

Итак, когда мы имеем дело с более или менее живым языком – слышимой устной речью, или с ее аудиозаписью; текстом, производимым письменно или читаемым (воспроизводимым вслух), то следует констатировать, что перед нами уже не лингвистический объект в чистом виде. Перед нами триада: **язык (языкосознание) – концептуальное сознание – действительность**. На какой из компонентов этой триады должно быть нацелено внимание исследователя? И какого исследователя – лингвиста, философа, онтолога?

Мы привыкли рассматривать язык как некое «техническое средство», используемое для обозначения и выражения мысли в акте общения.

Однако положение об инструментальной функции языка является весьма сомнительным. Предварительные рассуждения показали – если исходить из того, что язык есть интрамысль (объективированная ретроспективная мысль), накладывающаяся в акте мышления и общения на экстрамысль, и, что осознанию/пониманию подлжит не чистая актуальная мысль, а интегрированный речемыслительный комплекс (интегратема), то об инструментальной функции языка в традиционном толковании говорить не приходится. Познанию подлежат все названные компоненты и их отношения, ср.:

- интрамысль** (объективированная ретромысль; поверхностная формально-классификационная и реликтно-семантическая организация языка плюс глубинная логико-семантическая и логико-понятийная организация);
- языкосознание** (потенциальная интегратема, формирующаяся на стыке *языка* как интрамысли и *концептуального сознания* как начальной стадии речевого мышления);
- речемысль** (актуальная интегратема, формирующаяся при взаимодействии языкосознания и **коммуникемы**; это продукт, который создается в ходе деятельности координативного сознания из языка /=языкосознания/ как материала, а также из социально и коммуникативно регламентируемой мысли);
- экстрамысль** (актуальная мысль, подлежащая оречевлению, но, как правило, оречевляемая лишь частично).

Инструментальную, посредническую функцию выполняет не язык, а координативное сознание, которое соотносит язык и сознание, переводит их в статус речи и мысли и, таким образом, в целом осуществляет интегративные процессы.

Лингвистический анализ предполагает свой метаязык, или исследовательский инструментарий. Представим себе типичную ситуацию, когда какое-то явление естественного языка рассматривается сквозь призму инструментальной сетки, выстроенной исследователем определенным образом, например, в виде какой-то модели языка, ср.:

ЛИНГВИСТ ⇔ ИНСТРУМЕНТАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ⇔ ЯЗЫКОВОЙ ОБЪЕКТ

При таком подходе мы часто наблюдаем ***подмену*** языкового объекта, подлежащего анализу, самой инструментальной моделью, поскольку языковой объект подгоняется под инструмент анализа в результате процедуры уподобления (А=А). Уравнивание инструмента анализа и языкового объекта осуществляется легко и незаметно, потому что метод анализа «сконструирован» также из естественного языка. Трудно не угодить в порочный круг, когда язык анализируется с помощью языка. Непосредственным объектом псевдолингвистического анализа становится сам инструмент.

При логически усовершенствованной модели анализа естественный язык используется в качестве **материала**, на котором апробируется соответствующая рассудочная, рациональная модель языка. Цель такого анализа – установление соответствия между моделью и языковым объектом. Это анализ научных рациональных понятий о языке, но не анализ природы языкового объекта. Например, исходя из парадигмы понимания языка как структуры, мы начинаем моделировать структуру на языковом материале. Поиск системности в языке породил представления о «системных языковых отношениях», к таковым были причислены парадигматические отношения – синонимические, антонимические. По сути дела это отношения, выражаемые с помощью языка, что не дает нам полного права объявлять их природными, сущностными отношениями самого языка. Объектом анализа становится интеллектуальное, рассудочное понятие, которое навязывается языку.

Интеллектуальный анализ выдается за лингвистический анализ. Причем такое заблуждение почти не осознается. Концептуальный конструктор становится ориентиром анализа языкового объекта. Достаточно вспомнить здесь факты из истории лингвистики, связанные с поиском в рамках сравнительно-исторического языкознания (компаративистики) так называемого ***праязыка***, который на самом деле является ***интеллектуальным мифом***. Ср. Бодуэн де Куртенэ: «Археологический характер языкознания отразился в стремлениях даже серьезных ученых к реконструкции или воссозданию разных «праязыков», «первообразных языков», в особенности же индоевропейского праязыка» [Бодуэн де Куртенэ, 1963, с. 98]. «Воссоздаваемый язык» А. Шлейхера Б. де Куртенэ называет ***«сказкой»*** [см. там же]. Рационально-концептуальные сказки смещают акценты анализа с языкового объекта на наши представления о них. На таком пути познания **природа мира** заменяется **мирознанием**.

Как было уже сказано выше, структурный метод подменил объект анализа. Структуралисты стали исследовать не язык и даже не структуру языка, а начали искать аналог структуры в языке, той самой структуры, которая была изначально заложена в методе анализа в виде ментальной продукта или умозрительной модели.

Критикуя сравнительно-историческое языкознание за то, что оно исследовало не природу языка, а природу исторических и доисторических общественных контактов народов [Ельмслев, 1999, с. 133], структуралисты сами угодили под огонь критики именно из-за той же самой методологической ошибки – из-за подмены языкового объекта объектом неязыковым, инструментальным.

Они определили язык как частный случай семиотической системы. В поисках строгой научной теории языка Л. Ельмслев отбросил всю «внеязыковую реальность» и превратил язык в формальную систему функций. Для него главным руководством к анализу является лозунг – «теория определяет свой объект и воздействует на него» [там же, с. 141]. Время показало, что его теория языка оказалась несостоятельной, так как она была настолько оторвана даже от научных представлений о языковом объекте, что о ее применении к языку не могло быть и речи. Даже сам автор этой теории не смог применить ее на практике.

Как всякое научное описание лингвистическое исследование опирается на процедуры анализа и синтеза. Однако в лингвистике превалирует анализ. При этом лингвистический анализ исходит из синтеза как результата предварительного познания или гипотезы. Иными словами, анализ проводится по готовой схеме, т.е. по заранее дедуктивно выведенной модели исследуемого языкового явления. Сама процедура анализа состоит в следующем:

- Выводится гипотеза, что объект обладает определенным набором качеств и свойств.
 - Создается модель, или упорядоченная структура этих свойств или качеств; иногда просто задается классификационный принцип.
 - Далее данная модель «накладывается» на исследуемый языковой объект; проводится «собственно анализ», в ходе которого для каждого структурного компонента модели и межкомпонентного отношения устанавливается соответствие в материале естественного языка. Доказательность превращается в поиск соответствующих примеров, которые подтверждают данный факт. Иногда на этом лингвистический анализ заканчивается. Другой раз на основании такого анализа делаются выводы, суть которых заключается в подтверждении выдвинутой гипотезы.
- В ***лучшем*** случае лингвист выходит на следующие этапы анализа:
- «Синтезируя» результаты анализа, т.е. сведя их к первоначальной дедуктивной модели, лингвист начинает делать выводы о том, что подтвердилось (было найдено как соответствие) в языковом объекте, и что не подтвердилось (не было найдено или было обнаружено в несколько модифицированном варианте). В последнем случае мы имеем дело с несовершенством модели или операционной единицы, которая оказалась недостаточной, ущербной для того чтобы охватить все наблюдаемые свойства языкового объекта.

Наконец, в ***наилучшем*** случае лингвист (часто с большой неохотой) переходит к следующему этапу исследования, а именно:

- К этапу корректировки и пересмотра дедуктивной модели, уточнения операционной единицы.

В ***худшем*** случае этого не происходит и лингвист констатирует, что языковой объект не имеет каких-то свойств, заданных в модели. Спрашивается, почему языковой объект должен был их иметь?

В ***наихудшем*** случае языковому объекту, о чем уже говорилось выше, ***насильственно*** приписывается запрограммированное в метаязыке анализа свойство. К сожалению, такие приписки встречаются сплошь и рядом.